

АНДРЕЙ БУТОРИН

ЗЕРКАЛЬНЫЙ
ОБРАЗ

Издательство
ПЛАНЖ
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б93

Оформление обложки Владимира Ходукина

Зеркальный образ / Андрей Буторин – М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2023. – 344 с.

То, что он ненавидел всем сердцем, почти всегда разрушалось. Но и северный город, в который приехал бегущий от себя Гелий Лакин, невзлюбил его сразу. С таким соперником Гелию еще не доводилось сражаться. Да и как считать врагом место, где нашел любовь – ту самую, что искал очень долго? Вот только кто-то упорно стремится подменить её смертью. Может быть, сам невзлюбивший Лакина город?.. Если взять Веничку из «Москвы-Петушков», оставить мудрость и симпатию к миру, а водку заменить на сексуальные подвиги и гадальные ритуалы, то и получится запутавшийся в хитросплетениях жизни и смерти программист Гелий Лакин в реалистично-мистическом романе «Зеркальный образ». Рекомендуем ценителям и не только.

ISBN 978-5-6045678-9-0

© Андрей Буторин, 2023
© Издательство «ПЛАНЖ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 0. ШУТ.....	7
ГЛАВА 1. МАГ	19
ГЛАВА 2. ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.....	31
ГЛАВА 3. ИМПЕРАТРИЦА	48
ГЛАВА 4. ИМПЕРАТОР.....	67
ГЛАВА 5. ИЕРОФАНТ	82
ГЛАВА 6. ВЛЮБЛЁННЫЕ	96
ГЛАВА 7. КОЛЕСНИЦА	109
ГЛАВА 8. ПРАВОСУДИЕ	124
ГЛАВА 9. ОТШЕЛЬНИК.....	133
ГЛАВА 10. КОЛЕСО ФОРТУНЫ.....	151
ГЛАВА 11. СИЛА.....	164
ГЛАВА 12. ПОВЕШЕННЫЙ	180
ГЛАВА 13. СМЕРТЬ.....	197
ГЛАВА 14. УМЕРЕННОСТЬ	212
ГЛАВА 15. ДЬЯВОЛ	224
ГЛАВА 16. БАШНЯ	237
ГЛАВА 17. ЗВЕЗДА.....	250
ГЛАВА 18. ЛУНА.....	263
ГЛАВА 19. СОЛНЦЕ.....	280
ГЛАВА 20. СТРАШНЫЙ СУД.....	299
ГЛАВА 21. МИР.....	318

СВЕЖИЙ ВЕТЕР ИЗБРАННЫХ ПЬЯНИЛ,
С НОГ СБИВАЛ, ИЗ МЁРТВЫХ ВОСКРЕШАЛ,
ПОТОМУ ЧТО, ЕСЛИ НЕ ЛЮБИЛ,
ЗНАЧИТ, И НЕ ЖИЛ, И НЕ ДЫШАЛ!

В.С. ВЫСОЦКИЙ

ГЛАВА 0. ШУТ

Этот город невзлюбил меня сразу. Но сперва я и не думал связывать это с чем-то сверхъестественным, тем более с магией, – мало ли в жизни схожих с чудесами случайностей? Вот только между тем, что мы думаем, и тем, что есть на самом деле, – порой очень большая разница, а осознать её, если и случается, то зачастую чересчур уже поздно...

От автовокзала до гостиницы пришлось идти пешком; на крохотной стоянке такси одиноко мёрзла пустая, припорошенная снегом легковушка, и внутренний голос не без ехидства проворчал, что других машин или водителя этой я прожду очень долго. Я привык доверять своему ворчуну, подводил он меня крайне редко – и то лишь когда я слушал не столько его, как то, что мне хотелось услышать. Привыкший ко всему готовиться заранее, я, конечно же, изучил карту Красотинска, что было не столь уж трудно, учитывая его более чем скромные размеры. Во всяком случае, мне не требовался навигатор, чтобы пройти метров триста влево, до площади Ленина, где на высоком постаменте действительно поджидал меня вождь мирового проле-

тариата, а потом свернуть направо и по центральному проспекту – разумеется, Горняков – прошагать ещё с полкилометра, и... осознать, что я всё-таки ошибся. Не особо дружелюбный прохожий буркнул в ответ на мой вопрос, что гостиница находится в другой стороне, и я, развернувшись, ещё почти полчаса добирался до серой и неприметной (даже вход оказался со двора) гостиницы, носящей гордое имя – о, чудо! – «Горняк». Мне бы тогда достать всё же смартфон, свериться с картой, понять, что всё это неспроста, но нет, я этого не сделал и ничего серьёзного насчёт проделок этого города пока ещё не заподозрил.

Но пеший променад с тяжёлым рюкзаком за плечами и не менее увесистой сумкой, колёсики которой то и дело застревали в снегу, был лишь первой подлянкой Красотинска, вполне безобидной шуткой, лёгким щелчком по носу. Ещё одну хохмочку в виде благоухающей перегаром дамочки из соседнего номера, упорно пытающейся оказаться в моём, я даже не стал бы относить к козням города – слишком уж мелко и пошло. По-настоящему он показал мне, кто здесь хозяин, на следующее утро, когда я собрался ехать на Красотинский горно-обогатительный комбинат, где планировал трудиться. Во всяком случае, моё резюме там одобрили и пригласили на собеседование. С одной стороны, переться на Север, в непонятную дыру с милым названием, казалось дикостью. С другой же, всё хорошо взвесив, я решил, что, во-первых, Север – это северные надбавки (да, я наивен, но в тридцать восемь поздновато меняться); во-вторых, предложенная работа и условия меня вполне устраивали; наконец, самое главное, в-третьих, Красотинск был далеко от всего, что мне хотелось забыть. И вот я приехал. А город меня не

принял. Не образно выражаясь, а в самом настоящем, зловеще-мистическом смысле.

Я вышел из гостиницы, завернул за угол на проспект и огляделся. В восемь часов утра в феврале даже на Севере для этого уже достаточно светло. Накануне я успел заметить автобусную остановку, которая была совсем рядом, буквально в десятке шагов. Конечно, в первый раз логичней казалось вызвать такси, но я находился в режиме жёсткой экономии, да и ехать до ГОКа было совсем недалеко, а нужная маршрутка – под номером один, что и запоминать не требовалось, – следовала как раз от этой остановки. Я опять не достал смартфон с навигатором; было морозно, не хотелось снимать перчатки, к тому же теперь-то я однозначно полагал, что точно всё помню. Мысленно представив карту, окончательно убедился: ехать нужно в ту сторону, откуда я вчера пришёл, а потом, после площади, маршрутка должна была следовать по проспекту Горняков прямо и прямо, до самого выезда из города. А там уже и до комбината близко. По всем рассуждениям мне подходила именно эта остановка. Подошедшая почти сразу «единичка» уверила меня в предстоящей удаче и подняла настроение.

Должен сказать, у меня есть один пунктик... Нет, на самом деле пунктиков у меня достаточно много, но сейчас я имею в виду тот, что связан с числами. Я не какой-то замшелый, фанатичный нумеролог – фанатизм вообще не имеет со мной ничего общего, – но играть числами люблю. Например, я складываю составляющие какое-то число цифры – будь то номер дома, квартиры, машины – и смотрю, что за сумма получилась в итоге. В данном случае и складывать не нужно. Единица – очень хоро-

шее число. Означает начало всего, число цели, вообще содержит в себе потенциал всех возможностей. Это мне подходило как нельзя лучше.

Благостный настрой помешал задуматься, почему в утренний час так мало людей в маршрутке. Ведь на ГОКе, градообразующем предприятии, работала едва ли не треть населения Красотинска. Да, у многих были свои машины, но тем не менее... В общем, я витал в облаках и не обратил также внимания, что основной транспортный поток двигался нам навстречу. Что-то неладное я почуял, когда маршрутка свернула направо возле окаймлённой жиденьким лесочком большой заснеженной проплешины – скорее всего, озера. Но какое ещё озеро?! Где указывающий верный путь дедушка Ленин? Где площадь?..

Я встал и прошёл к водителю.

- Простите, – сказал я. – Это ведь первый маршрут?
- Ну, – хмуро мýкнул шофёр.
- Он ведь до ГОКа?
- Ну, – услышал я снова.

Я неуверенно кивнул, сказал: «Спасибо» и повернулся, собираясь вновь сесть. Конечно, сомнения продолжали меня терзать, но уже всё-таки меньше. Даже если водитель не умел говорить ничего, кроме «ну», то хотя бы помотал головой, если бы...

Нет, он умел говорить. Но вестник из него вышел недобрый.

- Тока ГОК там, – сказал водитель.
- Простите? – обернулся я.
- Мы едем с него. Ежели тебе на комбинат, то или слазь, вон, на Терешковой, и садись в обратку, или жди, пока до кольца доедем и развернёмся. Тока тогда снова плати за проезд, это тебе не метро, круги нарезать.

Чертыхнувшись про себя, я шагнул к двери, чтобы выйти на ближайшей остановке и пересесть, но ко мне наконец вернулась способность соображать, и я подумал, что в автобус до ГОКа в час-то пик мне наверняка придётся втискиваться. Уж лучше сидеть, пока сидится.

– А до кольца долго?

– Минут десять. Ну и там я ещё пятьк постою, курну.

Меня это, в общем-то, устраивало. Собеседование было назначено не строго на девять, а «в районе полдесятого». Я посчитал, что «район» может безболезненно простираться на десять-пятнадцать минут в обе стороны. Да если и на полчаса раскинется, без меня всё равно не начнут. Не прогонят же сразу; как я понял, они во мне тоже заинтересованы, не так много, наверное, дураков переться в эту холодную глушь.

Я повторно заплатил за проезд и вернулся на место. Настроение испортилось. Неужели я тоже дурак?.. Подсознание тут же выдало карту Таро с изображением шута, которая так и называлась – «Шут», в ином прочтении «Дурак». В принципе, это неплохая карта, тоже означает начало нового цикла жизни, в котором можно избрать любое направление. А ещё – неожиданные события, способные всё перевернуть. Для меня – лучше не придумаешь, ведь мне как раз и хотелось всё перевернуть, начать жизнь сначала. Плохо, что у «Шута» имелось и ещё одно значение: очевидная глупость. И тут я подумал, а чего же и в самом-то деле я так сглупил?

Теперь можно было не бояться отморозить пальчики, и я, сняв перчатки, достал смартфон. Тапнул по навигатору, открыл карту Красотинска. Спутники поймались быстро, и вот я уже наблюдал за синей стрелкой, ползущей по жёлтой нитке дороги. Я уменьшил масштаб, чтобы захва-

тить весь город, и убедился, что двигаюсь в противоположную от комбината сторону. Но это я и так уже знал, меня больше интересовало другое: почему я изначально поехал не туда? Я быстро отыскал гостиницу, нашёл автовокзал и... перевёл эмоции в слово. Вообще я матерюсь исключительно редко, но этот случай попадал под исключение, да и два других пассажира сидели в самом конце маршрутки, не слышали. Я отчётливо помнил, как шёл вчера от вокзала: налево до площади, затем ошибочно свернул по проспекту направо, потом развернулся и добрался до «Горняка». Но карта явно мне намекала на первые признаки деменции – я всё перепутал. Правильный маршрут выглядел зеркально моим воспоминаниям: да, до площади Ленина налево, но потом, до гостиницы, и нужно было идти направо, как я вчера изначально и сделал. Но ведь я отчётливо помнил, что на деле всё вышло наоборот!

И вот тут я впервые подумал о том, что это невзлюбил меня город. До леденящей жути буквально, хотя ещё более непонятно пугающе, как это могло быть возможным. Сюда хорошо укладывалось и отсутствие возле автовокзала такси, и «неправильное» местонахождение гостиницы, и пьяная озабоченная соседка. Ладно, пусть соседка возжелала меня без подсказки Красотинска, это я вполне мог допустить, но всё остальное... «Что ж, город, – всё-таки не веря ещё до конца в нереальность происходящего, подумал я, – принимаю твой вызов! Наверное, ты почуял во мне опасность, и в этом ты прав».

Да, тогда ещё я не воспринимал всё это слишком серьёзно. То, что в захолустном городке зимним поздним вечером не оказалось у вокзала такси, – такое ли уж

это чудо? На том, последнем с жэдэ-станции автобусе приехало, кроме меня, лишь три человека, которых уже встречали. Местные таксисты наверняка давно просекли трафик. Что же касается зеркального сбоя моей памяти – со мной такое уже было. Правда, очень давно, в детстве. Тот период я уже вполне хорошо помню, хотя мои воспоминания себя как личности вообще начинаются года в три; как мне дарили на трёхлетие синий велосипед с приставными колёсиками – будто вчера было. Но случай с зеркальным восприятием произошёл позже, лет в шесть. Мы приехали с родителями в деревню к бабушке, маминной маме. Я отчётливо помню, как мы долго шли вдоль полей по жёлтой дороге, как пробирались по тропинке сквозь кусты возле речушки, которую перешли затем по шаткому мостику из пары толстых досок. А потом – светлый простор, высокий бревенчатый амбар; слева от него, тоже из брёвен, что-то длинное, пахнущее навозом (как позже выяснилось, телятник), а ещё левее – тянущиеся вдоль единственной улочки серенькие, кривенькие, но так понравившиеся мне избушки, будто прямо из сказки. Бабушкин домик оказался самым дальним. Помню, взойдя на крыльцо, я ещё полюбовался на избушки, увидел в конце улицы слева телятник, амбар, ещё левее – ныряющую в кусты тропинку, по которой мы шли... А утром, едва проснувшись и снова выбежав на крыльцо, я оторопел. Деревня была другой. Точнее, почти такой же, как вчерашняя, только если бы я видел её в зеркале. Телятник, амбар и тропинка теперь тоже находились справа.

Всё было так, и логика уверенно подсказывала мне, что мои придумки насчёт города – чушь. Как может город, не только не разумное, но и вовсе неодушевлённое нагро-

мождение кирпичных и бетонных коробок, переплетение асфальтовых и брусчатых ленточек и полос, кого-то любить или ненавидеть? Но так говорила логика, так вещал разум, утверждающий, что у меня-то он, в отличие от города, есть. Однако мой внутренний голос, которому я привык доверять, нашёптывал другое: «Город не мёртвый, в нём есть душа. И если он даже не обладает разумом в твоём узколобом понимании, то имеет нечто куда более сильное. Скоро ты в этом убедишься, готовься!»

От размышлений меня оторвал голос водителя:

– Эй, слышь, мужчина! До ГОКа который...

Я наклонил голову в проход и в зеркале над лобовым стеклом встретился с шофёром взглядом.

– Могу тебя сейчас высадить. На той стороне остановка, сейчас восемнадцатый пойдёт, он тоже до ГОКа. Он отсюда по прямой, крюк не делает. Поедешь?

– Ладно, – сказал я, вставая.

Водитель остановил маршрутку. Когда я с ним поравнялся, ссыпал мне в ладонь мелочь.

– В другой раз думай, куда садишься.

– Ладно, – снова сказал я. – Спасибо.

Я вышел из маршрутки и поёжился; дул ветерок, и после тёплого салона мне стало неуютно. И на кой чёрт вылез? Сидел бы в тепле. Некуда ведь особо спешить-то. А теперь жди этот восемнадцатый на ветру, да потом затискивайся в него.

Хорошо хоть остановку искать не пришлось, она оказалась ровно напротив. Перехода поблизости я не увидел, но и движение здесь было вялым, с большими разрывами, так что я пересёк дорогу внаглуу. На остановке никого не было, что меня слегка насторожило: а ну как

опять лоханусь? Но вряд ли водитель «однёрки» стал бы так меня подставлять: ему это надо? Правда, предлагать ехать другим автобусом, теряя пусть копеечную, но уже бывшую в руках выручку, ему, по идее, уж точно не было нужно. С чего вдруг в нём разыгрался альтруизм, непонятно. С первого взгляда он мне добряком не показался. Хотя первый взгляд не всегда даёт о человеке верное мнение, часто случается наоборот.

Мне ещё не нравилось, что ехать предстояло восемнадцатым номером. Что-то во мне насчёт этого сразу не щёлкнуло, растерялся от неожиданности, а так бы, наверное, отказался выходить. Не любил я это число. С ним у меня были связаны самые плохие события. Восемнадцатого числа погибли в аварии родители. Восемнадцатого умерла бабушка. Восемнадцатого же Томка сказала мне, что уходит... С другой стороны, я учился в школе номер восемнадцать; в детстве, тринадцать самых счастливых лет, жил в восемнадцатом доме. Даже моя группа в универе была сто девяносто восьмой, что по сумме цифр, не окончательной, но всё же, даёт восемнадцать. Может быть, восемнадцать было не плохим для меня, а просто знаковым? Возможно. Но смерть родителей и бабушки создала во мне его отрицательное восприятие, и я ничего не мог с этим поделать. А ведь сумма его цифр давала девятку, очень символичное число. Завершённость, целостность. Опыт и мудрость. Да уж, нечего сказать, завершённость. И такой опыт – ну его в одно место!

А маршрутка номер восемнадцать между тем подошла. Она была большой и жёлтой. Я люблю жёлтый цвет, солнечный, тёплый. И автобус оказался тёплым. А ещё, как ни странно, полупустым. Правый ряд состоял из одиночных кресел. Я сел в самое дальнее. Хотел посмотреть

в окно, но его покрывала снежная корочка. Поскрёб её большим пальцем, но ожидаемого эффекта мои попытки не принесли, и мне это быстро надоело. Тогда я стал разглядывать пассажиров. Слева, через ряд от меня, ехали две девушки. Та, что сидела у прохода, имела длинные, очень красивые золотистые волосы. Обожаю длинные женские волосы! Правда, сама девушка показалась мне чересчур строгой, даже суровой. Да и черты её лица были хоть и вполне привлекательными, но, на мой вкус, слишком жёсткими. Возрастом она была, пожалуй, как я, даже старше. Сороковник, плюс-минус год. Хотя многие наверняка не дали бы ей больше тридцати пяти, просто мой глаз намётан. Вторая девушка, сидевшая возле окна, – блондинка с аккуратным каре в светло-голубой куртке – выглядела совсем молоденькой, чуть больше двадцати. Но вот заиграл мультяшную песенку её мобильник, она поднесла его к уху, послушала и как-то очень уж громко сказала:

– Хорошо, умничка. Давай, пока... Вика, Вика, погоди! А ты не забыла взять краски?.. Умничка! Дедушка тебя после школы отвезёт к себе, в художку пойдёшь от них. Давай, пока.

«Ага, – прикинул я, – ей не чуть больше двадцати, если дочка ходит в школу. Пусть даже в первый класс. Допустим, родила в восемнадцать. Могла, конечно, и раньше, таких случаев хватает, но статистически логичней предположить, что всё-таки в восемнадцать. Нет, восемнадцать плохое число, а девушка хорошая, пусть будет в девятнадцать. Прибавим семь дочкиных лет – получается двадцать шесть. Опять же, плюс-минус год».

Не знаю, почему я сразу подумал, что девушка хорошая. Я её толком даже не видел – лишь немного в профиль.

Привлекли внимание яркие губы. Не ярко покрашенные, а именно сами по себе яркие, это я тоже могу распознать. Небольшой, показавшийся чуть широковатым нос, – не получалось рассмотреть его лучше. Очень гладкий, красивый лоб. Как уже говорил, светлое ровное каре. Она была без шапки, её соседка тоже. «Как они тут ходят без шапок? – подумал я. – Холод же собачий!» Впрочем, у блондинки с каре на куртке был капюшон.

«Я люблю её», – подумал вдруг я и, разозлившись, опять назвал себя дураком. Шутом.

Вообще-то я вижу карточного Шута по-своему. Нет, это понятно, что каждый всё видит по-своему, тем более картины, а ведь карты Таро, по крайней мере те, что у меня, – это, по сути, и есть маленькие картины. Но я ещё и не просто вижу, а воспринимаю карты, руководствуясь личными ассоциациями. Мне когда-то посоветовали так делать, пока я не знаю канонических значений, поскольку первое впечатление зачастую и есть верное. Особенно в областях, близких к магии. Признаться, тогда я ни в какую связь Таро с магией не верил, но совета послушался, мне стало просто интересно. И вот что я подумал в первый раз о Шуте...

У меня изображённый на карте человек вызвал некую стыдливую жалость. Да, мне он показался совсем не смешным, а именно жалким. Оборванная одежда, нелепые перья в голове, на бороде нечто странное... Ему и самому будто неловко. Оттого и на лице смущённая растерянность, стыдливый румянец на щеках. Может, он и хотел бы кого-то рассмешить; возможно, это у него и получалось ранее, но сейчас в нём ничего смешного нет. Возможно, недовольный хозяин выгнал его, и сейчас

он скитался в поисках лучшей доли. Но ждал, похоже, в первую очередь плохое – недаром на его плече столь угрожающего вида палка. Мне казалось, он говорит: «Оставьте меня в покое, пожалуйста!»

Можно представить и такую картину. Это уже совсем вольная, пожалуй, даже фривольная трактовка, но мне сказали: «Лови ассоциации», вот я и поймал. Итак, всё у этого человека хорошо. Пусть не совсем, чтобы очень, пусть просто нормально, печаль-то в его глазах всё же читается. И вот хозяин (скорее даже хозяйка – не потому ли он и печален, что тайно и безответно влюблён?) отправляет его выбить ковёр. Молодой человек надевает одежонку похуже, берёт большую палку-дубину для выбивания ковров и идёт на улицу. Вешает ковёр и стоит, печальный. Работать-то лень. Но он обязательно справится. Да и куда деваться?

В общем, я бы трактовал эту карту так... Герой нам не угрожает; палка на плече, использовать он её против нас не собирается. Наши проблемы ему неинтересны. Он смущён, расстроен, печален, и он говорит: «Отстаньте, не до вас, самому хреново!» То есть наша ситуация, проблема, вопрос – и впрямь малозначащая ерунда, ничем опасным не угрожающая, разве что опасностью покраснеть от стыда или смущения. Но дубинку на всякий случай держать под рукой следует.

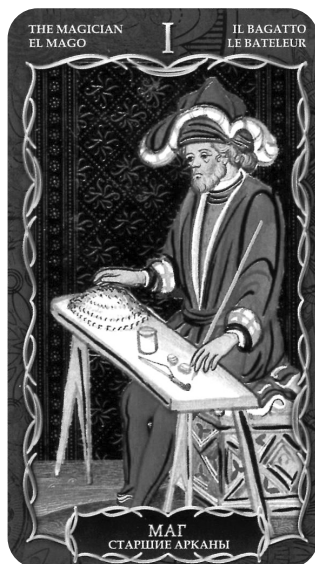
А ещё мне тогда показалось, что он говорит: «Пойдём со мной, и сам всё узнаешь. Наверно... Только дубинку возьми на всякий пожарный». Значит, что? Возможен и такой вариант: иди вперёд, если и впрямь что-то хочешь узнать. Но не факт, что узнаешь. Или узнаешь, но не то, что нужно. И будь готов к неожиданностям.

ГЛАВА 1. МАГ

Если уж я упомянул Таро, стоит рассказать, откуда у меня взялись эти карты. Я ведь никакой не таролог, не потомственная гадалка, принявшая (или всё-таки принявший?) этот дар вместе с потрёпанной колодой по наследству. Всё куда прозаичней и проще. Впрочем, не так уж оно прозаично и, если хорошенько подумать, уж точно не просто.

А дело было так. Шесть лет назад, чуть меньше года как мы поженились с Тamarой, я ездил в Израиль. Вообще-то мы собирались туда вместе, это должно было стать чем-то вроде отложенного свадебного путешествия.

В Иерусалиме жила моя знакомая, Тася. Причём знакомая только по переписке; за несколько лет до этого мы пересеклись на одном из сетевых литературных конкурсов, затем ещё раз, потом зафрендились в соцсетях, стали общаться. Никакой амурной подоплёки, только общее увлечение «графоманью», как мы это называли, и литературой вообще. Обсуждали книги, делились своими «творениями». Я про неё и не знал почти ничего. В смысле личной жизни. Раз или два она мельком упомянула дочь, вот и всё. А когда я женился, поделился с ней радостью.

И Тася тоже искренне, как мне показалось, порадовалась за меня и предложила нам с Томкой приехать к ней на недельку-другую. В гости. В Иерусалим.

Ну здорово же! Я сразу бросился всё рассказывать Тамаре, и та сначала даже улыбалась, а потом стиснула зубы и процедила: «Ну и уё...й к своей сучке!» Признаться, я тогда чуть глаза на пол не выронил. Мало того что Томка придумала нечто нелепое совершенно на пустом месте – говорю же, я Тасю вживую ни разу не видел, – но меня, пожалуй, ещё больше поразило и покорило, как она это сказала, каким тоном, какими словами, – подобного я от неё раньше не слыхивал! Нет, вру, словечки, бывало, проскакивали, но так, между делом, не в таком же контексте, не в обращении ко мне, тем более зная, что мат я не люблю... Да что я несу! Томкина реакция стала для меня настоящим шоком. Меня даже вырубил на какое-то время; в себя я пришёл на улице с сигаретой в зубах, хотя курить бросил за год до этого. Помню, меня добил эта дымящая сигарета – где я её вообще взял? – и я, отшвырнув её, зарыдал, как ребёнок, и куда-то помчался...

После этого Тамара три дня молчала, а первая фраза, которую на четвёртый она как ни в чём не бывало произнесла, меня снова шокировала:

- Когда летим, Шарик?
- Куда?..
- В Израиль.

Шариком она меня называла, пребывая в благодушном настроении. А именно Шариком не потому, что, дескать, «Шарик, служи!», а оттого лишь, что моё имя, Гелий, ассоциировалось у неё с воздушными шариками. Почему меня так называли родители, я не знаю. В детстве я искренне считал, что папа с мамой просто перепутали букву и на

самом деле хотели назвать меня Гением. А потом, став постарше, я всё стеснялся у них об этом спросить. До тех пор, пока спрашивать стало не у кого. Так происхождение собственного имени и осталось для меня загадкой. Думаю, вряд ли родители, простые люди, боготворили инертный газ, второй элемент периодической системы Менделеева. Скорее, так звали кого-то из наших родственников. А уж его, может, назвали и правда в честь газа.

Тем временем жена действительно стала готовиться к поездке, как раз тогда и объявив, что это наше отложенное свадебное путешествие. Она увлечённо ползала по туристическим сайтам, выбирая, на какое море лучше съездить из Иерусалима – Средиземное, Мёртвое или Красное, но, узнав, что Мёртвое на самом деле никакое не море, сильно удивилась, задумалась ещё сильнее и сказала, что нужно съездить на все, включая Мёртвое, потому что мало ли кто чего говорит, но если оно называется морем, то нечего её за дурочку держать. Как-то так. На самом деле слов было куда больше, включая те самые, нелюбимые мной. Осторожный намёк на то, что, помимо морей, не мешало бы посетить и святые места, хотя бы Храм Гроба Господня, Томка с возмущением отвергла, сказав, что храмы вместе с гробами она в гробу видела.

Билеты были уже куплены, чемоданы почти собраны, когда за два дня до отъезда Тамара с поразившей меня ненавистью сказала, что никуда она не поедет, что я специально везу её к своей б...и, чтобы при ней её опозорить, на её доверчивых, честных глазах творя то-то и то-то (было рассказано в подробностях, красках и звуках, что именно и как), а потом бросить её умирать на берегу Мёртвого моря. Всё это звучало для меня жутко и дико, было ненормальнее бреда сумасшедшего, но последняя фраза

оказалась «контрольным выстрелом в голову». Я сорвался, наорал на Томку, хлопнул дверь и, перекачавшись две ночи у друга, полетел в Израиль один.

Скажу честно, я уже на самом деле собрался переспать с Тасей, чтобы стало не так обидно, чтобы преступление, пусть даже и после наказания, всё-таки совершилось. Но, встретившись с Тасей, понял, что не смогу это сделать. Даже не знаю, как правильно объяснить... Пусть я даже был вправде... Хотя нет, и права мне такого никто не давал. Но если рассуждать логически, здраво... Тьфу ты, какая там логика?.. Короче говоря, это в любом случае была бы измена, а измену, как её ни объясняй, ни оправдывай – и я знал это точно, – я и сам бы простить не сумел. Чего и в самом деле не смог сделать позже, но это было потом, а тогда я пытался понять себя. Чего хочу, чего могу, чего мне на самом деле надо.

К слову сказать, Тася и не делала никаких попыток сближения. Почему я приехал один, она тоже не спросила: то ли поняла по моему «бодрому» виду, то ли имела свой, не хуже моего, внутренний голос, который ей всё про меня рассказал. А может быть, карты... Нет-нет, карты вряд ли. Хотя...

Ещё общаясь с Тасей в сетях, я узнал, что она занимается Таро. Не профессионально, но, как я понял, владеет предметом прилично. И вот, сидя с ней во второй или третий вечер за стаканчиком виски и наблюдая по телику за тулупами, флипами и прочими лутцами-акселями (шёл мировой чемпионат по фигурному катанию, а Тася оказалась его заядлой болельщицей), я выпалил вдруг:

– А погадай мне на картах!

Тася вздрогнула и, забыв о любимом виде спорта, медленно повернулась ко мне, побледневшая так, что

мне стало страшно. Я в самом деле испугался, что ей сделалось плохо, и вскочил уже, чтобы помочь, но Тася остановила меня взмахом руки и просипела, будто ей не хватало воздуха:

– Я никогда... Слышишь?.. Я никогда не буду тебе гадать.

После этого она вновь развернулась к экрану и через пару минут снова издавала ликующие, отчаянные, изумлённые и прочие, в зависимости от ситуации на льду, звуки. Я же сидел, как пришибленный. Я ничего не мог понять. Я чувствовал себя полнейшим идиотом. И было почему-то очень-очень стыдно. Если бы не поздний час и не близкое к нулю знание священного города, я бы, наверное, схватил сумку и помчался на автовокзал, чтобы ехать в аэропорт. Но я влил в себя полстакана вискаря и остался. А утром Тася дала мне карты.

Они были не новые, но очень красивые, словно маленькие картины. Как я узнал позднее, это были современные, конечно же, типографского изготовления недорогие карты, но сделанные «по мотивам» колоды Висконти-Сфорца, так называемых «старомиланских» карт, которые рисовались в средние века вручную и которых на сегодняшний день в музеях мира осталось менее трёхсот штук. Карты лежали в малиновом бархатном мешочке, затянутом жёлтым шнурком, и, когда Тася протянула мне этот мешочек, я ничего не понял вначале.

– Я дарю их тебе, – сказала она. – Их нужно дарить, так будет правильно.

– Что это? – взялся я за шнурок.

– Постой, – накрыла мою ладонь своей Тася. – Откройшь потом, дома. Пусть они к тебе немного привыкнут.

А потом она и сказала мне, что, пока я ничего в Таро не смыслю, мне нужно просто знакомиться с картами: перебирать их, рассматривать. И, как она тогда сказала, «ловить ассоциации», поскольку первое впечатление очень часто и есть самое верное.

– Пока ты не знаешь общепринятых значений, тебе нужно придумать... нет, не придумать, а уловить, почувствовать свои. Эти карты – не мёртвые картонки. Они всё чувствуют, и они говорят. Нужно только суметь их услышать. В Таро это самое главное. Потом, если захочешь, ты прочтёшь и узнаешь каноны. Но интуиция, внутренний голос, чутьё должны всегда оставаться на первом месте. Карты – не истина, они лишь проводник между тобой и ею.

– Суметь услышать... – повторил тогда я. И подумал, что это нужно не для одних только карт. Многие неприятности и ссоры, несчастья и беды случаются как раз из-за того, что мы не умеем слушать. Не хотим услышать.

Того, что я услышал пять лет назад от Тамары, я уж точно слышать не хотел. И никакое умение тут бы помочь не могло. Да, это про то, что она меня бросает. Но не только. С этим ещё как-то можно смириться, понять, как говорится, простить и всё такое. Все мы люди, чувства приходят и уходят, а страдать всю жизнь с нелюбимым, когда сердце занято другим, – это разновидность мазохизма и никому не нужное самопожертвование. Лучше сразу расставить все точки над *i*, не мучить друг друга и расстаться если не друзьями, то уж не врагами точно. Да, всё правильно, всё верно, я обеими руками «за». И я бы, наверное, тоже всё понял, принял и простил. Но есть на свете такое, чего простить нельзя. По крайней

мере я не смог. Томка убила нашего ребёнка. Нашу неродившуюся дочь. Теперь, когда мои глаза не зашорены любовью к этой... женщине, я ничуть не поражаюсь, что она это сделала. Но я до сих пор не могу понять, зачем она мне это сказала. Ну, ушла бы к своему Серунчику и ушла (она его так называла, я слышал, Сергу-у-унчик, мягко проглатывая «г»). Гелий, прости, бла-бла-бла, я полюбила другого и, бла-бла-бла, жить без него не могу. Отпусти, умоляю, меня, бла-бладину такую! И ведь я отпустил. Не так, правда, как делают это настоящие мужчины в романах. Хотя они там, в романах, настоящие-то, чаще всего убивают изменщицу с её хахалем, да и смотрят опять стальным взглядом в манящую даль. Я же никого убивать не стал, а совершенно непристойно поистерил, взывая к совести любимой, к ведьмыжеобещалалюбитьвечно и намжебылотакхорошовместе. А уже потом, совсем-совсем потом, после нарезания кругов по городу и ночёвки у друга, был пусть и не стальной, а скорее, клюквенно-морсный – такой же красный, мокрый и кислый – взгляд, устремлённый не в даль, а в пол, и жалкий лепет о том, что да, я всё понимаю, конечно же, ты в праве, а я нет, и что, может быть, всё-таки... В общем, как бы то ни было, но я же её отпустил. Да и куда бы я делся! И вот уже после всего этого, уже на следующий даже день, пакуя чемоданы и сумки, которые мною же и полагались быть доставленными к вокзалу (Серунчик жил в другом городе и сокровище своё узрел во время одной из командировок, оценив его по достоинству в двух других)... Чёрт, у меня до сих пор не поворачивается язык повторить то, что она тогда сказала!.. В общем, собираясь на встречу со своей теперьужеточнонастоящей любовью, Томка как бы между делом призналась:

– Шарик, а у нас бы с тобой была дочка. Но Серёжа хочет своего ребёнка, и я сделала аборт.

Вещи к такси она таскала сама, матеря меня отборно и красочно. А я тогда впервые послал матом её. Свою любимую! Я! Который в принципе ненавидел материться. Но тогда это вырвалось у меня легко и естественно, я не сразу и осознал, что именно произнёс. И когда понял, мне не было стыдно. Просто есть вещи, которые нельзя говорить по-другому. Не в смысле запрещено, а в смысле невозможно. Те слова, что я тогда выпалил, предназначены для подобных случаев, словно «Горько!» после свадебного тоста. Да и, в принципе, в ту минуту она уже не была мне любимой. Она уже была мне врагом.

Да, я ненавидел их обоих – ту, кто убил мою дочь, и того, кто заставил её это сделать. Но его, наверное, всё-таки больше, ведь он ещё отнял и мою любовь... Смешно, но сейчас я ему даже благодарен за это. Но только за это. Смерть моего неродившегося ребёнка я им не прощу никогда. Пусть кто угодно говорит, что нерождение – это не есть смерть. Сладко бы они об этом вещали, если бы им тоже не дали родиться.

Через два года Серунчик застрелился. Он был военным, так что сделал это из табельного пистолета. Когда я об этом услышал, признаюсь, меня охватило злорадство. И тогда же я подумал, что, возможно, уведя от меня Томку, Сергей сделал доброе дело. Что он меня, может быть, спас от подобного исхода.

Вспомнив эту смерть, я невольно вспомнил и другую. Наверное, всё в нашей жизни связано в такой прочный узел, что мы даже не видим его, настолько он плотен. Буквально за день до того, как моя бывшая тёща напи-

сала мне... Да, она даже после нашего развода с Тамарой ещё года три писала мне письма, добрая деревенская женщина. Кстати, Томка была ей не родной, они с мужем, которого я уже не застал, взяли её из дома малютки. Да и странно было бы, если бы у такой славной матери родилось бы такое вот... В общем, она написала мне, что Сергей застрелился, а за день до этого был день рождения Таси. Я, как обычно, зашёл в социальную сеть, открыл Тасину страничку и стал писать ей сообщение. Что-то стандартное, типа, «желаю здоровья, счастья...», а ещё приписал, чтобы приезжала в гости, благо я теперь человек свободный и она может не бояться, что её тут встретят ревнивыми взглядами. Что-то ещё в том же духе, с потугами на юмор... И тут мой взгляд уловил нечто странное. Точнее, я сразу, как зашёл на Тасину страничку, всё увидел, но тогда ни моё сознание, ни его «подкорковая» часть на это не среагировали. А теперь я вдруг осознал, что фото плачущей поминальной свечи как-то не вяжется с именинными поздравлениями. Я стал читать запись на «стене» и почувствовал, как холодеет у меня внутри, будто я проглотил ломоть полярной ночи. Тасина дочка писала поздравление маме. Только адресовано оно было на небеса. Оказалось, Тася умерла почти уже год назад. Неожиданно, непредсказуемо, нелепо... Издав стон, я удалил поздравление, которое не успел ещё, к счастью, отправить. Впрочем, какое там счастье... Это был шок. И, конечно же, я вспомнил подаренные карты. Тут же мелькнула мысль: потому и подарила, что знала уже, от них же и знала, что они больше будут ей не нужны. Не спорю, это была идиотская мысль. И времени с моей поездки прошло достаточно много, и наверняка у Таси была не единственная колода. И всё же, всё же, всё же...

Вот так, вслед за страшным известием о смерти очень хорошего человека пришла весть о самоубийстве того, кого я ненавидел. Была ли в этом какая-то связь? Теперь-то я почти уверен, что такие знаки случайными не бывают.

А тогда меня вдруг жажнуло мыслью... Мне пришло в голову, что за свою жизнь по-настоящему, безоговорочно, я ненавидел только двух человек: пьяного водителя, убившего моих родителей, и Серунчика, забравшего всё остальное. И вот теперь они оба мертвы – первого через год сожрал рак, а второй засадил себе в голову пулю. Или куда он её там засадил... И я подумал: а что, если их убила моя ненависть?.. Казалось бы, а как же Томка? Ведь я её тоже ненавидел. Но, как уже и сказал, наверное, всё же не так сильно, как этих. Наверное, какие-то крупички, песчинки, пылинки былой любви не дали механизму ненависти развить убойную силу. Впрочем, я точно не знаю, жива ли Тамара. До меня долетел как-то слух, что она спилась, чуть ли не бомжует, но больше я о ней ничего не слышал, а специально что-то узнавать даже и не собирался.

Зато я вспомнил кое-что ещё. Я ненавидел уродливую общагу, в которой жил около года, учась в универе, и её вскоре снесли. Я очень не любил свою первую работу, и предприятие сначала обанкротилось, а потом и вовсе прекратило существование. И даже ненавистное дерево, росшее под окнами моей прошлой квартиры, которое заслоняло мне свет, а однажды, в ураган, выбило стекла, – и то спилили. Да, дерево мешало не только мне, общага давно просилась на снос, а предприятия в те годы банкротились пачками. Но тем не менее, но всё же!.. Что, если моя нелюбовь, моя ненависть действительно имела

разрушительную силу? Тогда будь осторожнее, город Красотинск! Похоже, я маг. Не надо меня злить – уничтожу.

Маг, маг!.. А что говорит о «Маге» Таро? Его карта означает волю, мастерство, способность рисковать, веря в свои силы. Ничего не желать и не делать почти так же ужасно, как желать и творить зло.

Верить в свои силы – вот что действительно важно. Независимо ни от каких карт, всегда и везде.

Что касается моих ассоциаций, они следующие. Изображённый на карте колдующий за длинным столиком, одетый в красное, Маг задумчивый, даже грустный. Он немолод, но и вовсе не стар. Если хорошо приглядеться, ему нет и пятидесяти. Тридцать восемь? Почему бы и нет. Почему бы и впрямь нам не быть с ним похожими?

Но если я и в самом деле маг, то выходит, что я – маг-разрушитель. Моё оружие, мой волшебный посох – это ненависть. Получается, мне нужно верить в свои силы, чтобы крушить всё подряд, убивать?.. Как-то это, если честно, не весело. Хорошо, пусть эта способность будет для защиты, которая никогда не помешает. Но если во мне и впрямь имеются магические способности, то неплохо бы уметь их обращать и для добрых дел. Дедом Морозом я, конечно, быть не собирался, но почему и не помочь тому, кому плохо? Не знаю, снять, например, силой мысли зубную боль или кошку с дерева. Только ведь для такой магии ненависть как инструмент не годится. Тут, скорее, нужно противоположное чувство – любовь. А любить я себе пять лет назад запретил, чтобы не было опять «мучительно больно». Но вот только любовь эта, будь она неладна, моих запретов, похоже, устала бояться.

Я снова посмотрел на девушку с каре. Да нет же, я и не переставал на неё смотреть, просто мысли унеслись «по волнам памяти». Но сейчас я вернулся из прошлого, и мой взгляд стал осмысленным. А та, которой я откровенно уже любовался, будто что-то почувствовав, резко повернулась и перехватила мой взгляд. У неё были зелёные глаза!.. Вряд ли мы смотрели друг на друга дольше секунды, но мне хватило и этого мига, чтобы убедиться: моя пятилетняя крепость рухнула. Я на самом деле влюбился.

Это было плохо. Нет, это было ужасно! Я реально испугался того, что со мной случилось. Я не хотел повторения кошмара.

«А ну прекрати ныть! – проснулся вдруг внутренний голос. – Кошмарно! Плохо! Ужасно! Что за трагедию ты тут ломаешь? И перед кем?.. Почему ты решил, что единственный случай – это приговор на всю жизнь? Если бы любовь несла только боль, если бы все возводили против неё стены, что стало бы с человечеством, ты подумал? Откуда бы взялись составляющие его люди?.. Ты ведь только что хотел получить инструмент для „доброй магии“. И вот его тебе дали, а ты вопишь: кошмар! караул! Но тогда никакой ты не маг, и даже не шут, а просто слюнтяй и придурок».

Голос вдруг замолчал. В самом деле, я будто реально почувствовал это молчание. Оно словно ждало моего решения, давало мне пространство для шага, который – я уже сознавал это – должен был совершить.

Я вспомнил советы Мага из карт Таро. Верить в свои силы... Ничего не желать и не делать – ужасно...

Что ж, Гелий, поверь в себя и действуй. Необязательно разрушать города. Попробуй для разнообразия что-то создать.

ГЛАВА 2. ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Есть у меня недостаток – я стеснительный. Особенно в отношениях с женщинами. Вот понравится мне девушка, но, пока я думаю, как к ней подойди, заговорить, пока решаю, её уже и след простыл. Так и в этот раз, с моей блондиночкой. Думал, приедем, выйдем из автобуса, я подойду: «Привет, я теперь ваш новый коллега», представлюсь, слово за слово, так и познакомимся. Но тут же стал сомневаться; я ведь пока не коллега, вдруг меня ещё не возьмут? И потом, что значит коллега? Я устраиваюсь в аййтишное управление программистом, а где и кем работает моя зеленоглазочка – понятия не имею. Вдруг она какая-нибудь большая начальница, а я к ней в коллеги набиваюсь. Или, наоборот, уборщица... Впрочем, ну и что, если уборщица? Сразу разлюблю? Тьфу, не в этом же дело! А большие начальники вообще на маршрутках не ездят, у них крутые тачки имеются, а то и вовсе служебные, с водителями.

В общем, пока я менжевался, блондинка с соседкой вышли из автобуса. Между прочим, моя красавица оказалась очень высокой, не сильно, думаю, ниже меня,

а ведь во мне метр восемьдесят три. Мне очень нравятся высокие женщины. Хотя дело не в росте; главное, чтобы в женщине была изюминка, нечто такое, не всегда осознаваемое, что делает её особенной, неотразимой. Зеленоглазка её точно имела. А ещё она была удивительно стройной. Я бросился её догонять, но меня тормознул водитель:

– А платить кто будет?

Только сейчас я расчухал, что до сих пор держу в руке мелочь; собрался ведь передать, когда сел, но увидел её – и всё из головы вылетело. Я извинился, ссыпал деньги в ладонь водителя и выскочил. Девушки уже открывали дверь проходной. Я бросился за ними, ворвался внутрь и, конечно же, догнал бы, если бы не очередное препятствие – турникеты, словно в метро. Идущий на работу народ и впрямь, как в метро, прикладывал к ним какие-то карточки, и лишь после этого, мигнув зелёным, турникет открывался. Разумеется, я понял, что прикладывают они не проездную карту, а пропуск, но у меня-то его не было!

Между тем это стало не только досадным препятствием, помешавшим мне догнать блондинку, но и реальной проблемой, в самом буквальном смысле закрывающей мне путь к будущей работе. Охранник, увидевший, как я, глядя на турникеты, оторопело моргаю, подошёл и спросил, в чём дело.

– Мне на работу устраиваться, а тут... Вы меня пропустите?

– Вон там, – ткнул охранник на дверь сбоку от входа, – бюро пропусков. Получите временный пропуск, если вам и правда назначено.

Лишь теперь я вспомнил, что когда в последний раз созванивался с будущим начальником, он сказал, что

выпишет пропуск, который я должен получить в бюро пропусков. Но я умудрился и это забыть. Интересно, я так поглупел от любви, от северного холода или из-за очередных происков Красотинска? Решив, что поумнеть стоило бы уже в самое ближайшее время – дураков без протекции редко берут в программисты, – я направился в бюро пропусков, где после внимательного изучения паспорта мне выдали жёлтую картонку с надписью «Временный пропуск», моими ФИО и служебными отметками. Благосклонно кивнув, увидев это приобретение, охранник пропустил меня через вертушку рядом со своей застеклённой кабинкой.

Когда-то, в пятидесятые, в Красотинске построили не просто ГОК, а целый ГМК – горно-металлургический комплекс, где, кроме обогатительной фабрики, присутствовало и металлургическое производство. Но в девяностые плавильный и ещё пару цехов закрыли, людей сократили, в итоге и сам Красотинск «похудел» на треть. Но всё равно Красотинский ГОК занимал большую площадь, почти как второй город, в котором даже ходили автобусы, большие, не очень новые, но вполне добротные и чистые. У них тоже были номерные маршруты, нужный опять оказался «единицей», что вселило в меня добрые надежды. Число цели – лучше и не придумаешь. Но, когда я уже ехал по комбинату в автобусе, настроение резко испортилось. Я лишь теперь осознал реальную огромность ГОКа и отчётливо понял, что найти здесь мою любимую куда невозможнее, чем пресловутую иголку в сене. Надеяться на то, что мы и впрямь окажемся коллегами, я, конечно, не перестал, но шанс этот мой рассудочно-трезвый остаток сознания безжалостно уронил к самому плинтусу.

И выдал отчётливое понимание: познакомиться с моей стройной «казнобой» я могу только в маршрутке. Что ж, и это не мало.

Управление, где я планировал получить место, называлось Расчётно-информационным, сокращенно РИУ. Почти Рио, невольно подумал я, и, как оказалось, не я один. Моих будущих коллег, как и меня впоследствии, многие называли «бразильцами». А первым, что спросил у меня на собеседовании будущий начальник, было не еврей ли я.

– Почему? – растерялся я, ожидая совсем других вопросов.

– Лакин Гелий Аркадьевич, – ответил начальник, глядя в мои документы. – Подозрительно как-то.

Говоря откровенно, я и сам толком не знал, какой я национальности. В детстве этот вопрос не возникал, а потом, когда погибли родители, а вскоре умерла и бабушка, спросить было не у кого. Заводить подобные разговоры с двоюродной тёткой и её вечно угрюмым мужем, у которых я жил три последних школьных года, мне даже в голову не приходило. Одевали, кормили, включая и время учёбы в универе, – и на том спасибо, причём искреннее и огромное. Денежные траты я им, правда, потом с лихвой восполнил, но виделся с ними после учёбы раза три максимум, чаще не было желания с обеих сторон. Какие уж тут расспросы о происхождении.

Так что я не знал, что ответить будущему начальнику – ярко-рыжему, начинающему лысеть крупному дядьке лет сорока пяти. Звали его Юрий Юрьевич, а фамилию я, признаться, забыл.

Тут мне вспомнилась моя поездка в Израиль, и я непонятно зачем ляпнул:

– Ну, может, немного. А это имеет значение?

– Нет, – коротко бросил Ю-ю (как я мысленно его окрестил, опять попав в точку, – так за глаза его подчинённые и называли) и продолжил изучать документы. Затем резко их оттолкнул и сказал: – В бездну! – Понятно, я упал духом, собираясь уже высказать всё, что думаю по этому поводу, но он пояснил: – Что на них смотреть? Ну работал ты там-то и там-то, ну получил первую категорию. Так это было там-то и там-то, а не у меня. Вот я сам погляжу, кто ты такой, тогда и посмотрим. А пока – программист-стажёр на три месяца с минимальным окладом.

– Ты мне вообще-то другое по телефону обещал, – обнаглев от неожиданности, не стал я с ним особо любезничать. В конце концов, он тоже мне «тыкал», да и старше меня не на много.

Ю-ю, похоже, это даже понравилось. Он коротко хохотнул и сказал:

– Тебе послышалось. У нас тут связь не очень, искажает. – Затем помолчал, поправил галстук и взглянул на меня исподлобья: – Я свои обещания выполняю. Только не собираюсь платить первому встречному с улицы. Пусть он даже Гений, а не Гелий. Покажешь себя за три месяца – тогда и вспомним тот разговор. Не нравится такой расклад – в бездну! – двинул он ко мне документы.

– Нравится, – буркнул я, в глубине души соглашаясь с его логикой. Мне лишь не понравилось, что он не сказал этого сразу. Хитрый жук. Видать, боялся тогда спугнуть, решив, что, когда человек уже настроился, свыкся с мыслью и приехал в такую даль, – отказаться будет сложнее. Психолог хренов. Ещё неизвестно, кто из нас еврей.

В тот день поработать мне так и не довелось. Я даже толком не успел познакомиться с будущими коллегами. Ю-ю привёл меня в какой-то тесный кабинет, где сердито гудели, как потревоженные пчёлы, около десятка разновозрастных тёток, и я было начал впадать в панику. Он обозвал их какой-то оспой (как позже выяснилось, ОПСоп – Отдел программного сопровождения), на что тётки не обиделись, но гудеть перестали, уставившись на меня любопытно-плотоядными взглядами. Ю-ю же схватил меня за руку и потащил в смежный с этим кабинет – совсем уже крохотный, как грузовой лифт, где стояли впритык два стола. Один оказался свободен, а за вторым сидела девушка лет тридцати с классически красивым лицом, почти как у Одри Хепбёрн, но несколько укрупнённым, и длинными тёмными волосами с вкраплением ярких зелёных и малиновых прядей. Девушка читала «Норвежский лес» Харуки Мураками и даже при виде начальника не стала прятать книгу, лишь закрыла её, заложив страницу конфетным фантиком, и подняла красивый томный взгляд.

– Уволю, – сказал Ю-ю, затем повернулся ко мне и некультурно ткнул в её сторону пальцем: – Ольга Александровна Тетáкова, хозяйка этих хором. Ну и как бы твоя теперь непосредственная начальница.

– Ого! – оживилась Ольга Александровна. – Наконец-то разродились. Что за хрен?

– Ольга! – рыкнул начальник. – Я тебя точно уволю!

– Не-а, – равнодушным тоном ответила та, а Ю-ю уже тащил меня из кабинета.

– Она нормальная, – сказал он уже в коридоре. – И программист от бога. Только слегка эксцентричная. Привыкнешь.

Потом он отвёл меня в Отдел кадров, сдал с рук на руки оформляющей приём на работу сотруднице – и началась у меня трудоустройная карусель до самого конца дня. Дело в том, что, помимо заполнения различных бумажек в самом Отделе кадров, мне пришлось пройти три инструктажа (по технике безопасности, противопожарный и ещё один, связанный со спецификой деятельности ГОКа), пообщаться со службой безопасности, сфотографироваться на постоянный пропуск, заключить договор с представителем банка об открытии зарплатного счёта... И поскольку, как я уже говорил, комбинат был огромен, а нужные мне подразделения отстояли порой друг от друга столь далеко, что приходилось пользоваться внутренними автобусами, то на всё про всё у меня и ушёл остаток рабочего дня. Я даже пообедать толком не успел, перекусил наскоро пирожками с чаем в буфете.